

Валерий Яковлевич Брюсов. За себя или за другую?

I

— Она! Нет, конечно, она! — сказал сам себе Петр Андреевич Басманов, когда дама, обратившая на себя его внимание, пятый или шестой раз прошла мимо его столика. Он не сомневался более, что это Елизавета. Конечно, они не видались уже почти двенадцать лет, и за этот срок лицо женщины не могло не измениться. Черты, прежде тонкие и острые, несколько располнели, взгляд, прежде по-детски доверчивый, стал холодным и строгим, в выражении всего лица появилась самоуверенность, которой не было раньше. Но разве это не те же самые глаза, которые Басманов любил сравнивать с огнями св. Эльма, не тот же овал, который успокаивал волнения одной чистотой своих очертаний, не те же маленькие уши, которые так сладко было целовать! Это — Елизавета, потому что не может быть двух женщин тождественных, как тождественны два отражения в двух смежных зеркалах!

Быстро окинул Басманов умственным взором историю своей любви к Елизавете. Ах, он не в первый раз делал этот обзор, потому что из всех его воспоминаний не было более дорогого, более священного, чем эта любовь. Молодой, вступающий в жизнь адвокат, он встретил женщину несколько старше себя, которая полюбила его со всем ослеплением страсти, безумной, яростной, исступленной. В эту любовь Елизавета вложила всю свою душу, и ей стало не нужным все в мире, кроме одного: обладать своим возлюбленным, предаваться ему, поклоняться ему. Елизавета готова была пожертвовать всеми условностями их "света", умоляла Басманова позволить ей бросить мужа и прийти к нему; в обществе не только не стыдилась своей связи, которая, конечно, была замечена, но как бы гордилась ею. Никогда после не встречал Басманов любви столь самозабвенной, столь готовой на жертвы, и он не мог сомневаться, что если бы, в свое время, потребовал от Елизаветы, чтобы она умерла, она исполнила бы приказание с тихим, покорным восторгом.

Как же он, Басманов, воспользовался этой, один раз посылаемой нам в жизни, любовью? Он испугался ее, испугался ее громадности и ее силы. Он понял, что там, где приносятся безмерные жертвы, невольно ставятся и смелые требования. Он побоялся взять эту любовь, потому что взамен надо было что-то дать, а он чувствовал себя духовно нищим. И еще он побоялся взять эту любовь, чтобы не затруднить своей карьеры, которая тогда начиналась не неудачно... Как вор, Басманов украл полгода любви, которая не принадлежала бы ему, если бы он сразу показал истинный свой облик, и потом воспользовался первым вздорным предлогом, чтобы "порвать связь".

Ах, и теперь ему стыдно вспоминать последние свидания перед разлукой. Елизавета, ослепленная своей любовью, ничего не понимала, не видела того, что ее возлюбленный слишком низок, чтобы перед ним унижаться, и на коленях умоляла его не покидать ее. Он помнит, как, рыдая, она обнимала его ноги, волочилась за ним по полу, билась в отчаяньи головой об стены. Ему стало потом известно, что, брошенная им, Елизавета едва не помешалась от горя, что одно время она хотела пойти в монастырь, что позже она овдовела и уехала за границу. Здесь Басманов потерял следы Елизаветы.

Неужели же он встретил ее теперь вновь, двенадцать лет спустя после их разрыва, здесь, в Интерлакене, спокойную, строгую, все еще прекрасную и для него неизъяснимо очаровательную, по мучительно-сладостным воспоминаниям прошлого? Басманов, сидя за столиком кафе, смотрел, как мимо него медленно проходила высокая дама в большой парижской шляпе, и все существо его томительно горело образами и ощущениями прошлого, всплывавшими и в памяти ума, и в памяти тела. Она, она, Елизавета, которой он не дал любить себя с той полнотой, как она того ждала, и которую сам он не посмел любить с той полнотой, с какой мог бы и желал бы! Она, лучшая часть его уже почти прожитой жизни, ожившая, живая, она — воплощенная возможность воскресить то, что было, дополнить его, исправить его.

У Басманова, несмотря на все его самообладание, закружилась голова. Он расплатился за мороженое, встал и пошел по той же аллее, по которой гуляла высокая дама.

II